

**ФАКТОРЫ ПОПУЛЯРНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА В. В. ПУТИНА
НА ВЫБОРАХ 2004 ГОДА (АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ)**

*Работа представлена кафедрой прикладной политологии
Государственного университета Высшей школы экономики.
Научный руководитель – кандидат экономических наук, профессор М. Ю. Урнов*

В странах со стойкими традициями конкурентной демократической политики критический настрой по отношению к политикам и органам государственной власти не подрывает легитимность политической системы в целом. Иная ситуация складывается в посткоммунистических странах, где демократический переход еще не завершился. В статье дан подробный анализ факторов популярности В. В. Путина в глазах избирателей с глубоким анализом электоральных позиций кандидата в президенты накануне выборов 2004 г.

Ключевые слова: *В. В. Путин, популярность, выборы президента (2004 г.).*

**FACTORS OF PRESIDENT V. V. PUTIN'S POPULARITY AT THE 2004 ELECTIONS
(ANALYSIS OF REGIONAL DISTINCTIONS)**

In countries with strong traditions of competitive democratic policy, a critical attitude to political figures and government authorities does not shatter the political system in general. Another situation is in post-communism countries where the democratic transformation period has not finished yet. The article presents the comprehensive analysis of popularity of V. V. Putin from the electorate's point of view and the analysis of the candidate's electoral position before the 2004 presidential elections.

Key words: *V. V. Putin, popularity, 2004 presidential elections.*

В демократическом обществе, исходя из самого названия формы государственного устройства, предполагается, что институты власти пользуются поддержкой и доверием со стороны граждан. Поскольку органы власти формируются по результатам периодических конкурентных выборов, их деятельность, как минимум, на первом этапе опирается на поддержку избирателей. В этом контексте выборы представляют собой наиболее надежную процедуру измерения степени доверия к различным политикам и политическим институтам.

Между тем, как показывают многочисленные сравнительные исследования, это доверие превратилось в весьма дефицитный, хотя и совершенно необходимый, ингредиент современной политики [5, с. 134–135]. Во второй половине XX в. уровень доверия граждан развитых западных стран к политическим лидерам и государственным институтам заметно снизился. На рубеже столетий этот феномен был осмыслен в политической науке как процесс трансформации политической культуры, связанный с изменением базовых ценностей граждан, в ходе которого на фоне укрепления прочности демократических институтов усиливается критический настрой граждан по отношению к конкретным политическим институтам и политическим лидерам, занимающим выборные посты [13]. Образовательный уровень избирателей существенно вырос за последние полвека, а политическая информация в эпоху широкого распространения интернета и спутникового телевидения стала легкодоступной для всех желающих. После выхода в 1999 г. в Оксфорд-

ском университете коллективной монографии под редакцией Пиппы Норрис эту тенденцию стали описывать как формирование слоя «критически настроенных граждан» [12].

В странах со стойкими традициями конкурентной демократической политики критический настрой по отношению к политикам и органам государственной власти не подрывает легитимность политической системы в целом. Иная ситуация складывается в посткоммунистических странах, где демократический переход еще не завершился. Становление демократического политического режима здесь происходило на фоне глубокого экономического кризиса, связанного с переходом к рыночной экономике, и сопровождавшегося существенным снижением уровня жизни населения. Трансформационный экономический спад через некоторое время сменился восстановительным ростом, но сам термин «демократия» оказался серьезно дискредитирован в глазах значительной части избирателей.

Иначе говоря, в России «критический настрой граждан» распространился не столько на конкретных политиков и отдельные властные институты, сколько на демократический политический режим в целом. Специфика российской ситуации состоит в том, что ликвидация некоторых демократических процедур, произошедшая в ходе политической реформы 2004 г., (например, прямых губернаторских выборов и выборов депутатов парламента по одномандатным избирательным округам), в целом соответствовала общественному запросу на «авторитаризм». Авторитарные и патерналистские ожидания

российского общества были сформулированы достаточно четко. Так, по данным исследований, проводимых Левада-центром, большинство российских граждан возлагает на государство ответственность за обеспечение достойного уровня жизни и согласно на «закручивание гаек» ради достижения этой цели (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Как вы думаете, как должны складываться отношения между государством и его гражданами»? %, 1600 респондентов [7, с. 23]

Ответы	2001 январь	2006 март	2007 октябрь
Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	6	7
Государство должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	24	24
Государство должно заботиться о всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	71	66	66
Затруднились ответить	4	4	3

Таблица 2

Ответы на вопрос «Что следовало бы сейчас предпринять президенту и правительству»? %, 1600 респондентов [7, с. 25]

Ответы	2001 январь	2006 март	2007 март
«Закрутить гайки» и жестче относиться к любым «вольностям» в политической и экономической жизни	53	39	48
Предоставить людям свободу заниматься своими делами и следить только за тем, чтобы они не нарушали закон	33	47	36
Затруднились ответить	14	14	17

Как мы видим, популярность патерналистских ценностей заметно выше, чем у авторитарных ценностей. Но удовлетворить авторитарный запрос значительно проще, чем патерналистский, поскольку это не связано с существенными материальными затратами.

При этом необходимо отметить, что демократические процедуры в России не были ликвидированы полностью. Конкурентные выборы формально были сохранены, хотя возможности выбора избирателей были ограничены с помощью административного ресурса, контроля над электронными СМИ и ужесточения норм избирательного законодательства. Более того, большинство отечественных и зарубежных наблюдателей сходятся во мнении, что политический курс, реализуемый российской политической элитой в первом десятилетии XXI в., пользуется широкой общественной поддержкой. Те самые «критически настроенные граждане», которые оценили функционирование российской демократии в 1990-х гг. на «неудовлетворительно», в следующем десятилетии оказывали на выборах систематическую поддержку политикам, выступавшим за авторитарную коррекцию российской политической системы под лозунгом «построения вертикали власти».

Несомненно, впрочем, что «сворачивание демократии» являлось только одним и, по всей видимости, не самым важным в глазах избирателей элементом политического курса, реализуемого российской правящей элитой. Скорее можно говорить о том, что элементы политического авторитаризма явились составной частью проекта стабилизации с опорой на силовые структуры. Реализация этого проекта сопровождалась очевидными успехами в социально-экономической сфере, свидетельством чего является рост показателей ВВП и средних доходов населения России. Можно спорить о том, в какой мере экономические успехи связаны с политическим курсом на авторитарную стабилизацию, и нельзя ли объяснить их иными факторами, такими как рост мировых цен на энергоносители и долгожданное начало восстановительного роста, обусловленное ростом конкурентоспособности российской промыш-

ленности после снижения курса рубля в 1998 г. Так или иначе, но повороты российской истории посткоммунистического периода вполне могли закрепить в сознании российских граждан ассоциативные связи между демократией и экономическим кризисом, а также между авторитаризмом и экономическим подъемом.

Очевидно, что ключевой фигурой российской политики начала XXI в. является Владимир Путин, занимавший в 2000–2008 гг. пост президента России. В 2000 и 2004 гг. ему удавалось одерживать убедительные победы на президентских выборах. В контексте проблемы настоящей работы представляет несомненный интерес дискуссия о природе поддержки В. В. Путина и особенностях путинского электората, развернувшаяся среди исследователей российской политики сразу после прихода Путина к власти и не завершившаяся до сегодняшнего дня.

На раннем этапе популярность Путина объяснялась прежде всего его удачным имиджевым позиционированием. Как отмечали Е. Башкирова и Н. Лайдинен: «Популярность президента связана прежде всего с тем, что на момент выхода на политическую арену политику удалось создать имидж, почти полностью отвечающий ожиданиям россиян. В нем были актуализированы традиционные ценности российского массового сознания – ориентация на сильного лидера, миф об антигерое, идеализация политика, приписывание лично ему успехов в различных областях» [1, с. 36].

К концу первого срока президентских полномочий Путина, избиратели получили возможность оценивать не только образ президента, но и эффективность его деятельности [14, с. 383–399]. Эта оценка оказалась достаточно высокой. Так, по мнению Р. Роуза, Н. Манро и У. Мишлера, «удовлетворенность экономическим положением и отсутствие видимых альтернатив существующему режиму усиливают его вынужденную поддержку, несмотря на осознание его недемократического характера» [8, с. 31]. Эти исследователи, опираясь на данные социологических опросов, построили регрессионную модель факторов поддержки В. В. Путина в

2004 г., и пришли к выводу, что экономическая эффективность путинской администрации является важнейшим фактором его электорального успеха [8, с. 40].

Признавая высокую значимость экономического фактора, с нашей точки зрения, нельзя забывать и об альтернативных вариантах объяснения популярности В. В. Путина. К их числу можно отнести политико-культурную и коммуникационную гипотезы, в рамках которых акцент делается, соответственно, на авторитарно-патерналистской традиции российского массового сознания и эффекте массовой политической пропаганды, осуществляемой подконтрольными государству телевизионными каналами [13, с. 6–21].

Нам представляется, что ни одна из этих гипотез не может быть признана универсальной, но оба фактора – и рост благосостояния граждан и названные выше традиции российской политической культуры – внесли свою лепту в высокий уровень поддержки кандидатуры В. В. Путина на президентских выборах 2004 г. Вместе с тем влияние этих факторов на результаты выборов в разных регионах страны было различным.

Кроме того, на фоне оптимизма социологических отчетов общероссийских исследований особый интерес вызывает существенный разброс результатов голосования на президентских выборах в региональном формате. В 2004 г. число сторонников В. В. Путина находилось в диапазоне от 98,18% в Ингушской Республике до 54,82% в Белгородской области.

Аналізу географических особенностей поддержки главы российского государства на выборах 2004 г. посвящена данная работа. Американские исследователи К. Марш и Дж. Ворхола использовали эту стратегию для объяснения результатов президентских выборов 2000 г. [12, с. 1–14]. Но, как было отмечено выше, в то время еще не действовал фактор удовлетворенности экономической эффективностью путинского руководства, который стал значимым и был эффективно внедрен в массовое сознание СМИ к 2004 г.

Естественно было бы предположить, что в этом случае должна наблюдаться устойчивая корреляция между уровнем благополучия

граждан в различных регионах страны и уровнем их поддержки президента на выборах. Нами были рассчитаны коэффициенты линейной корреляции между результатами голосования на выборах президента России в 2004 г. в субъектах Федерации и такими показателями уровня жизни как средняя заработная плата и средняя пенсия в регионе в 2004 г. (табл. 3). В целом по России $K_{кор}$ между результатами президентских выборов и средней заработной платой составил (+0,1632), а средней пенсией – (+0,0998), т. е. связь можно считать малозначимой. Другие результаты получаются, если рассчитывать корреляционную зависимость по трем группам регионов:

- Центрального федерального округа (ЦФО) и Северо-Западного федерального округа (СЗФО);
- Южного федерального округа (ЮФО) и Приволжского федерального округа (ПФО);
- Уральского федерального округа (УФО), Сибирского федерального округа (СФО) и Дальневосточного федерального округа (ДФО).

В регионах ЦФО и СЗФО зависимость между выбранными нами показателями уровня жизни населения и результатами голосования на выборах 2004 г. за кандидатуру В. В. Путина оказалась наиболее значимой: $K_{кор}$ зарплата/ Путин составил (+0,5250); $K_{кор}$ пенсия/ Путин – (+0,6357) (табл. 4).

Таблица 3

Влияние уровня жизни и демографических факторов на результаты голосования за президента В. В. Путина на выборах 2004 г.

	по РФ в целом	по ЦФО, СЗФО	по ЮФО, ПФО	по УФО, СФО, ДФО
Ккор зарплата / Путин	+0,1632	+0,5250	-0,4395	+0,4543
Ккор пенсия / Путин	+0,0998	+0,6357	-0,6708	+0,3838
Ккор МИГР / Путин	-0,2638	-0,3775	-0,2532	-0,4450
Ккор СЕЛЬС / Путин	+0,3089	-0,3128	+0,4886	+0,3485
Ккор РУС / Путин	-0,7493	-0,4356	-0,7926	-0,7675

Таблица 4

Показатели уровня жизни и результаты голосования за В. В. Путина в российских регионах в 2004 году*

Субъект Федерации	Средняя месячная зарплата в 2004 г.	Средняя месячная пенсия в 2004 г., руб.	Процент голосов, поданных на выборах 2004 г. за В. В. Путина
Белгородская область	5284,4	1890	54,82
Брянская область	4196,1	1908,5	63,57
Владимирская область	4750,9	2039,1	68,83
Воронежская область	4340,6	1910,6	65,28
Ивановская область	4078,9	2007,3	67,21
Калужская область	5642,8	2019,9	70,16
Костромская область	4723,2	1967,9	69,22
Курская область	4889,1	1802,7	65,24
Липецкая область	5485,3	1901,7	63,62
Московская область	7399,2	2146,7	71,12
Орловская область	4392,9	1971,5	61,66
Рязанская область	4964,8	1924	73,22
Смоленская область	5012	1942,7	64,91
Тамбовская область	4081,4	1839	63,62
Тверская область	5385,9	2013,7	70,59
Тульская область	5172,3	1997,1	65,50

Факторы популярности президента В. В. Путина на выборах 2004 года (анализ региональных различий)

Продолжение табл. 4

Субъект Федерации	Средняя месячная зарплата в 2004 г.	Средняя месячная пенсия в 2004 г., руб.	Процент голосов, поданных на выборах 2004 г. за В. В. Путина
Ярославская область	6164,1	2057,1	70,81
Москва	10634	2173,9	68,61
Республика Карелия	6935,1	2434,4	74,14
Республика Коми	9481,5	2547	73,59
Архангельская область	7887,5	2483,3	77,45
Ненецкий авт. округ	19024,7	3040,5	76,90
Вологодская область	6970,6	2098,4	75,77
Калининградская область	5559,6	2000,6	69,86
Ленинградская область	6673,2	2057,4	77,10
Мурманская область	10176,6	2745,6	74,04
Новгородская область	5502,8	1996,4	71,74
Псковская область	4542,6	1947,6	70,79
Санкт-Петербург	7931,1	2265,4	75,12
Республика Адыгея	4266,3	1835,7	75,61
Республика Дагестан	3000,1	1562,3	94,61
Республика Ингушетия	4002,8	1565,1	98,18
Кабардино-Балкарская Республика	3515,6	1729,8	96,49
Республика Калмыкия	3605,7	1782,3	79,23
Карачаево-Черкесская Республика	3696,2	1776,4	82,28
Республика Северная Осетия – Алания	3457,2	1857	91,25
Краснодарский край	5155,3	1891,3	67,37
Ставропольский край	4497,4	1890,8	64,54
Астраханская область	5495,4	1858,1	66,08
Волгоградская область	4885,1	1970,7	63,03
Ростовская область	4797,5	1912,3	72,49
Республика Башкортостан	5389,4	1860,4	91,78
Республика Марий Эл	3783,7	1799,8	67,30
Республика Мордовия	4013,6	1827	91,35
Республика Татарстан	5452,8	1908,8	82,58
Удмуртская Республика	5130,5	1969	75,97
Чувашская Республика	4048,2	1797,3	67,12
Пермский край	6211,8	1988,5	72,75
Кировская область	4540,6	2004,7	65,52
Нижегородская область	5255,7	2013,2	65,88
Оренбургская область	4734,8	1866,8	58,79
Пензенская область	3911,1	1898,9	64,56
Самарская область	6275,9	1989,5	63,28
Саратовская область	4301,4	1911,8	70,79
Ульяновская область	4372,3	1893,6	65,91
Курганская область	4538,4	1891,5	66,94
Свердловская область	6928,4	2066,1	76,34
Тюменская область	16956,5	2507,3	73,59
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	19660	3034,1	74,84
Ямало-Ненецкий авт. округ	23890,2	3069,2	84,50
Челябинская область	5959,6	2008,4	70,18
Республика Алтай	4549,9	1796	75,03
Республика Бурятия	6162,7	1908,3	66,58
Республика Тыва	5469,9	1868,9	87,53

Субъект Федерации	Средняя месячная зарплата в 2004 г.	Средняя месячная пенсия в 2004 г., руб.	Процент голосов, поданных на выборах 2004 г. за В. В. Путина
Республика Хакасия	6160,8	2000,2	61,41
Алтайский край	3955,3	1947	67,64
Забайкальский край	6671,6	1866,9	72,49
Агинский Бурятский авт. округ	4113,4	1742,4	84,25
Красноярский край	8673,7	2165,7	60,31
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	15872,7	2925,6	79,05
Эвенкийский авт. округ	11697,4	2521,7	81,09
Иркутская область	7329,3	2088,5	61,96
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	3443,9	1703,6	72,76
Кемеровская область	6706,6	2037,8	71,51
Новосибирская область	5833,4	2009,8	63,10
Омская область	5482,5	1958,8	67,03
Томская область	7972,2	2218,1	67,15
Республика Саха (Якутия)	11315,3	2825	69,76
Камчатский край	12297,7	3238,3	71,82
Корякский авт. округ	14630,9	2952	84,34
Приморский край	7033,4	2054,7	59,37
Хабаровский край	8948,4	2339,1	64,52
Амурская область	7353,7	2016,3	64,87
Магаданская область	11174,6	3285,5	70,05
Сахалинская область	11711,1	2724,2	68,41
Еврейская автономная область	6513,8	1945,9	67,87
Чукотский авт. округ	18618,2	3670,2	87,24

* При составлении таблицы использованы материалы сайта Федеральная служба государственной статистики: http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi;

В ЮФО и ПФО такой связи не наблюдается. Для этой группы субъектов Федерации зависимость между уровнем благополучия и уровнем поддержки действующего президента оказалась даже отрицательной: $K_{кор}$ зарплата/Путин составил $(-0,4395)$; $K_{кор}$ пенсия/Путин – $(-0,6708)$. Естественно предположить, что в этих регионах фактор успешности президентской деятельности В. В. Путина в период 2000–2004 гг. не стал определяющим условием его поддержки на выборах 2004 г.

Наконец, для УФО, СФО и ДФО нами были получены промежуточные значения: $K_{кор}$ зарплата/Путин – $(+0,4543)$; $K_{кор}$ пенсия/Путин – $(+0,3838)$.

Специфика избирательных кампаний в южных регионах России традиционно объясняется возможностями национальных элит влиять на результаты голосования за счет высокой плотности социальных сетей, орга-

низованных по патронажно-клиентельному принципу и особенностями политической культуры этого электората [3]. Большое значение придается также различию политических предпочтений и электорального поведения избирателей крупных городов и сельских жителей [6]. В рамках политико-культурной гипотезы такой подход представляется целесообразным, поскольку патриархальные традиции наиболее живучи именно в сельских сообществах.

Г. В. Голосов и Ю. Д. Шевченко использовали ряд количественных показателей для оценки влияния социальных сетей, национального и социального менталитета на результаты выборов в одномандатных округах [2, с. 130–151]. Из предложенных ими показателей в рамках нашей исследовательской стратегии были учтены годовой миграционный рост в регионе на 10 000 душ населения

Факторы популярности президента В. В. Путина на выборах 2004 года (анализ региональных различий)

(в нашем случае в период 1996–2004 гг.) (МИГР); процентная доля сельского населения в регионе (СЕЛБС) (на 2004 г.) и процентная доля русских в населении региона (РУС) (в 2002 г.). Рассчитанные на основе

материалов сайта Федеральной службы государственной статистики [9] и результатов Всероссийской переписи населения 2002 г. [9] демографические показатели объединены в табл. 5.

Таблица 5

Демографические показатели: процент сельского населения, процент русского населения и миграционный прирост населения в российских регионах*

Субъект Федерации	СЕЛБС, %	РУС, %	МИГР, чел.
Белгородская область	34,5	92,9	91,1
Брянская область	31,6	96,3	8,2
Владимирская область	20,5	94,7	24,3
Воронежская область	37,8	94,1	31,5
Ивановская область	17,4	93,7	16,0
Калужская область	24,9	93,5	28,5
Костромская область	32,3	95,6	19,1
Курская область	38,3	95,9	6,1
Липецкая область	35,4	95,8	38,7
Московская область	20,6	91,0	66,6
Орловская область	36,2	95,3	23,8
Рязанская область	30,7	94,6	12,5
Смоленская область	28,8	93,4	6,0
Тамбовская область	42,6	96,5	-2,0
Тверская область	26,7	92,5	23,7
Тульская область	18,2	95,2	9,3
Ярославская область	18,8	95,2	26,3
Москва	0,0	84,8	50,9
Республика Карелия	24,7	76,6	6,3
Республика Коми	24,7	59,6	-80,1
Архангельская область	25,5	94,2	-42,0
Ненецкий авт. округ	36,4	62,4	-57,9
Вологодская область	30,8	96,6	13,5
Калининградская область	22,4	82,4	69,6
Ленинградская область	33,5	89,6	83,9
Мурманская область	8,0	85,2	-121,5
Новгородская область	29,9	93,9	33,4
Псковская область	33,4	94,3	19,5
Санкт-Петербург	0,0	84,7	20,4
Республика Адыгея	47,4	64,5	29,8
Республика Дагестан	57,2	4,7	-12,5
Республика Ингушетия	57,5	1,2	46,6
Кабардино-Балкарская Республика	41,2	25,1	-19,9
Республика Калмыкия	55,6	33,6	-57,1
Карачаево-Черкесская Республика	55,9	33,6	-35,1
Республика Северная Осетия – Алания	34,6	23,2	4,7
Краснодарский край	46,5	86,6	47,3
Ставропольский край	43,9	81,6	31,5
Астраханская область	32,3	69,7	12,1
Волгоградская область	24,8	88,9	13,6
Ростовская область	32,4	89,3	13,3

Субъект Федерации	СЕЛЬС, %	РУС, %	МИГР, чел.
Республика Башкортостан	35,8	36,3	15,4
Республика Марий Эл	36,7	47,5	5,7
Республика Мордовия	40,6	60,8	-16,9
Республика Татарстан	26,0	39,5	26,0
Удмуртская Республика	30,3	60,1	4,4
Чувашская Республика	39,1	26,5	10,5
Пермский край	24,9	83,0	3,8
Кировская область	27,9	90,8	-10,0
Нижегородская область	21,7	95,0	24,1
Оренбургская область	42,3	73,9	8,4
Пензенская область	34,7	86,4	12,2
Самарская область	19,4	83,6	35,2
Саратовская область	26,5	85,9	22,9
Ульяновская область	27,3	72,6	-6,0
Курганская область	43,5	91,5	-15,8
Свердловская область	12,0	89,2	15,0
Тюменская область	22,5	71,6	22,3
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	9,2	66,1	43,6
Ямало-Ненецкий авт. округ	16,6	58,8	-19,4
Челябинская область	18,1	82,3	17,8
Республика Алтай	73,8	57,4	20,6
Республика Бурятия	41,4	67,8	-40,8
Республика Тыва	48,1	20,1	-26,9
Республика Хакасия	29,1	80,3	17,3
Алтайский край	46,6	92,0	-3,1
Забайкальский край (Читинская обл)	36,3	89,8	-55,5
Агинский Бурятский авт. округ	64,4	35,1	-25,6
Красноярский край	24,1	88,9	-13,8
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	33,8	58,6	-121,3
Эвенкийский авт. округ	67,1	61,9	-172,8
Иркутская область	20,7	89,9	-13,6
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	100,0	54,4	-15,8
Кемеровская область	13,3	91,9	5,3
Новосибирская область	24,9	93,0	23,8
Омская область	31,2	83,5	-12,8
Томская область	32,0	90,8	2,4
Республика Саха (Якутия)	35,4	41,2	-107,4
Камчатский край (Камчатская обл)	18,7	80,9	-133,3
Корякский авт. округ	73,5	50,6	-268,5
Приморский край	21,6	89,9	-27,5
Хабаровский край	19,5	89,8	-24,8
Амурская область	34,0	92,0	-47,3
Магаданская область	6,8	80,2	-267,3
Сахалинская область	13,2	84,3	-124,0
Еврейская автономная область	32,7	89,9	-55,7
Чукотский авт. округ	34,0	51,9	-576,4

* При составлении таблицы использованы материалы сайта Федеральная служба государственной статистики: http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi; <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>; Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество. Институт демографии Государственного университета – Высшей школы экономики. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=1-89

Их влияние на результат президентской кампании 2004 г. оценивалось также путем расчета коэффициентов линейной корреляции. Результаты приведены в табл. 3. Очевидно, что в целом по России наиболее значимым фактором для 2004 г. может считаться процент русского населения в регионе – $K_{кор}$ ($-0,7493$). Причем в регионах ЦФО и СЗФО, где процент русских заметно выше, его влияние меньше – $K_{кор}$ (-4356), а в ЮФО и ПФО оно может считаться определяющим: $K_{кор}$ ($-0,7926$). Это, разумеется, не означает, что в областях с компактно проживающим русским населением доверие к В. В. Путину было заметно ниже: в данном случае как раз нужно говорить о влиянии таких факторов, как социальные сети и особенности политических традиций.

Фактор миграции больше заметен на востоке страны, где преобладает ежегодный отток населения и в европейской России, куда наоборот ежегодно прибывают десятки тысяч мигрантов, размывающих традиционные сложившиеся социальные сети.

Положительная корреляция связывает результаты голосования за В. В. Путина и процент сельского населения в Южном и Приволжском федеральных округах, что может рассматриваться как доказательство политико-культурной гипотезы поддержки второго российского президента. С другой стороны, в Центральном и Северо-западном федеральных округах мы имеем пусть небольшую, но отрицательную ($-0,3128$) корреляционную зависимость между долей сельского населения и поддержкой Путина на выборах. Этот факт можно объяснить тем, что КПРФ в период 1993–1999 гг. имело высокий

уровень поддержки именно в сельской местности, свои разветвленные сетевые структуры, и часть ветеранов сохранили свои политические предпочтения до 2004 г.

Высокий уровень доверия верховной власти страны является одной из характерных черт российского массового сознания. Редкие периоды падения ее рейтинга, как например в 1997–1999 гг., знаменуют глубокий политический кризис и являются предвестниками дестабилизации и глубокого разлада между властью и обществом, чреватого социальными потрясениями. Рейтинг доверия президенту В. В. Путину стал основополагающим фактором эпохи политической стабилизации, содействовал консолидации политической элиты вокруг партии «Единая Россия», существенно сократил электоральные сегменты оппозиции, и в первую очередь – право-либеральной.

Вместе с тем анализ региональных различий популярности президента В. В. Путина на выборах 2004 г. позволяет говорить о том, что будущее той элитной группы, которую олицетворяет собой Путин, во многом зависит от успешности их экономического и политического курса. В наиболее развитых регионах европейской России этот фактор уже играет и будет играть определяющую роль в период грядущих избирательных кампаний. Власть патерналистских традиций здесь постепенно отходит на второй план. С другой стороны, поддержка «управляемого электората» национальных республик гарантируется отношением их элит к федеральному центру, что тоже, не в последнюю очередь, регулируется экономическими рычагами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкирова Е., Лайдинен Н. Президент: феномен общественной поддержки // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 36.
2. Голосов Г. В., Шевченко Ю. Д. Факторы электорального успеха в одномандатных округах // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / общ. ред.: В. Я. Гельман, Г. В. Голосов, Е. Ю. Мелешкина. М.: Весь Мир, 2000. С. 130–151.
3. Гришин Н. В. Устойчивость территориальных различий электоральных предпочтений населения (на примере Юга России) // ПОЛИТЭКС. 2006. № 2. URL: <http://politex.info/content/view/208/40/>
4. Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество. Институт демографии Государственного университета – Высшей школы экономики. Всероссийская перепись на-

селения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=1-89

5. *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6; *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998.

6. *Николай Петров, Алексей Титков.* Электоральный ландшафт России. Ч. I. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0157/tema03.php>

7. Общественное мнение – 2007. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2007. С. 23.

8. *Роуз Р., Манро Н., Мишлер У.* Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения. 2005. № 2 (76).

9. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi; <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>

10. *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government.* / Edited by Pippa Norris. Oxford: Oxford University Press, 1999.

11. *Klingemann H.D., Fuchs, D.* (eds). *Citizens and the State.* Oxford: Oxford University Press, 1995.

12. *Marsh C., Warhola J.* Ethnicity, Ethno-territoriality, and the Political Geography of Putin's Electoral Support // *Post-Soviet Geography and Economics.* 2001. No 4.

13. *Mishler W., Willerton J.* The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: Cultural Imperative versus Neo-Institutional Choice? // *Journal of Politics.* Feb. 2003, Vol. 65, Issue 1; *Хейл Г.* Президентский режим, революция и демократия // *Pro et Contra,* 2008; *Шунов А. Л.* Популярность президентской власти как фактор легитимности политической системы посткоммунистической России // Сборник статей аспирантов факультета прикладной политологии и социологии ГУ-ВШЭ, 2008.

14. *White S., McAllister I.* Putin and His Supporters // *Europe-Asia Studies.* 2003. Vol. 55. No. 3.

SPISOK LITERATURY

1. *Bashkirova E., Laydinen N.* Prezident: fenomen obshchestvennoy podderzhki // *Sotsiologicheskiye issledovaniya.* 2001. N 9. s. 36.

2. *Golosov G. V., Shevchenko Yu. D.* Faktory elektoral'nogo uspekha v odnomandatnykh okrugakh. // *Pervyy elektoral'nyy tsikl v Rossii (1993–1996)* / obshch. red.: V. Ya. Gel'man, G. V. Golosov, E. Yu. Meleshkina. М.: Ves' Mir, 2000. S. 130–151.

3. *Grishin N. V.* Ustoychivost' territorial'nykh razlichiy elektoral'nykh predpochteniy naseleniya (na primere Yuga Rossii) // *POLITEKS.* 2006. N 2. URL: <http://politex.info/content/view/208/40/>

4. Demoskop Weekly. Elektronnyaya versiya byulletenya Naseleniye i obshchestvo. Institut demografii Gosudarstvennogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=1-89

5. *Dogan M.* Legitimnost' rezhimov i krizis doveriya. // *Sotsiologicheskiye issledovaniya,* 1994, N 6; *Rukavishnikov V., Khalman L., Ester P.* Politicheskiye kul'tury i sotsial'nye izmeneniya. Mezhdunarodnye sravneniya. М.: Sovpadeniye, 1998.

6. *Nikolay Petrov, Aleksey Titkov.* Elektoral'nyy landshaft Rossii. Chast' 1. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0157/tema03.php>

7. Obshchestvennoye mneniye – 2007. Yezhegodnik. М.: Levada-Tsentr, 2007, s.23.

8. *Rouz R., Manro N., Mishler U.* Vynuzhdennoye prinyatiye «nepolnoy» demokratii. Politicheskoye ravnovesiye v Rossii // *Vestnik obshchestvennogo mneniya,* 2005. N 2 (76).

9. http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi; <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>

10. *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government.* / Edited by Pippa Norris. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

11. *Klingemann H. D., Fuchs D.* (eds). *Citizens and the State.* Oxford: Oxford University Press, 1995.

12. *Marsh C., Warhola J.* Ethnicity, Ethno-territoriality, and the Political Geography of Putin's Electoral Support. // *Post-Soviet Geography and Economics,* 2001, No 4.

13. *Mishler W., Willerton J.* The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: Cultural Imperative versus Neo-Institutional Choice? // *Journal of Politics,* Feb. 2003, Vol. 65, Issue 1; *Kheyl G.* Prezidentskiy rezhim, revolyutsiya i demokratiya. // *Pro et Contra,* 2008; *Shipov A. L.* Populyarnost' prezidentskoy vlasti kak faktor legitimnosti politicheskoy sistemy postkommunisticheskoy Rossii // *Sbornik statey aspirantov fakul'teta prikladnoy politologii i sotsiologii GU-VShE,* 2008.

14. *White S., McAllister I.* Putin and His Supporters // *Europe-Asia Studies.* 2003. Vol. 55. No. 3.